

Вадим Шефнер

Съедобные сны, или Ошибка доброго мудреца

Вадим Шефнер

**Съедобные сны, или
Ошибка доброго мудреца**

1992

Шефнер В. С.

Съедобные сны, или Ошибка доброго мудреца / В. С. Шефнер —
1992

Содержание

1. Деловое предисловие	5
2. Под тещей	7
3. Сладкая очередь	10
4. Визит в будущий музей	12
5. Брудершафт	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вадим Шефнер

Съедобные сны, или Ошибка доброго мудреца

1. Деловое предисловие

Всем жителям Земли известно имя Матвея Утюгова, все помнят дату его добровольной кончины, которой был омрачен последний год XX века. Но меня не покидает ощущение, что к имени этого гения, к научному величию его постепенно подкрадывается забвение. Давненько нет ни новых книг о нем, ни научных трудов, ему посвященных. А сколько написано о нем в конце минувшего века! На всех языках и наречиях славили его ученые, писатели, поэты. Что касается журналистов, то те ему прямо-таки прохода не давали. Он, человек великой скромности, всячески отмалчивался, отбрыкивался, отнекивался, – и все-таки не всегда мог отбиться от этой настырной братии, не раз приходилось ему давать интервью. А теперь молчат писатели, молчат журналисты, – и только поэты время от времени посвящают ему свои стихи. Это о нем прочел я недавно в журнале новое стихотворение престарелого поэта В. Инкогнитова. Оно так кончается:

Его деяния угасли,
И грустный вывод мой таков:
Просчеты мудрецов опасней,
Чем заблужденья простаков.

Ну что ж, с двумя последними строчками я согласен. Но с первой – нет, тут поэт ошибся! Деяния Утюгова не угасли, они только потускнели. В дальнейшем они могут вспыхнуть новым светом. Человечество не было готово к разумному освоению его гениального открытия. Человечеству надо еще подрасти – и тогда воскреснет для него Матвей Утюгов, и великий дар его осчастливит всех землян!.. Кстати, тот же самый В. Инкогнитов в дни расцвета славы Утюгова вот как о нем отзывался:

Неплохо ели наши предки,
А нам достались лишь объедки.
Но ты нас вывел из пустыни, —
И сытость к нам придет отныне!

В те годы все поэты наперебой восхваляли Утюгова. Поэма Н. Могутного «Явление гения» даже в школьную программу была включена. Там, среди прочих, такие два четверостишия были:

Небесной манной Бог Саваоф
Снабдил голодающих в трудный час, —
А ты, чтоб каждый был сыт-здоров,
Космической пищей питаешь нас!

Великий Кормчий (от слова «кормить»!)
Ты всем пропитанье сумел добыть,

Ты кормишь весь мир, ты – выше богов,
Матвей Васильевич Утюгов!

Никогда не забуду, как возмутило Матвея сравнение его с «Великим Кормчим» – ему почуялось, что тут культом личности завоняло. И вообще терпеть не мог он всяческих восхвалений.

...Во всех книгах и статьях о Матвее Утюгове упоминается и мое имя. При этом в некоторых из них моя роль в его судьбе явно преувеличена. Однако сам я о Матвее никогда не писал, – и вот теперь, на склоне пенсионных лет, решил поделиться с читателями воспоминаниями о нем и напомнить о том, что происходило тогда, в конце XX века, когда мой друг явил миру свое открытие.

Коротко о себе. Я, Геннадий Борисович Питерцев, – не писатель, но человек грамотный. До ухода на пенсию преподавал русский язык школярам младших классов. Плохо запоминаю цифры, числа, а вообще-то память хорошая. В лжецах не числюсь.

2. Под тещей

Всем известен год и день, когда Матвей Утюгов практически осуществил свою гениальную идею. А мне посчастливилось познакомиться с ним за несколько лет до этой великой даты. А в тот августовский день мы, – то есть я, моя жена Зоя Сергеевна и наша дочка Кира, – вернулись в родной Питер из Сестрорецка, где отдыхали в семейном санатории. Кормили там неплохо, но все больше овощами, и я истосковался по калорийной пище. По возвращении Зое сразу же удалось купить яиц, из которых она быстро сотворила яичницу. Но мне этого мало было, мне колбасы хотелось. Взяв сумку-авоську, я отправился на поиски. Увы, в ближайшем от нас магазине колбасы не имелось, не было ее и в угловом гастрономе. Я пошагал дальше. И тут мне повезло. Недалеко от Такелажного переулка я встретил Сергея Георгиевича Виксона, соседа нашего по коммунальной квартире.

– «Под тещей» пиво есть и сардельки есть! – радостно сообщил он. – Не опоздайте!

Поблагодарив его за благую весть, я свернул в переулок и быстрым спортивным шагом направился к пивной «Под тещей». Конечно, официально она такого названия не имела, ее так старожилы нашего квартала именовали в разговорах между собой. Они рассказывали, что в старину, в эпоху нэпа там всегда имелось пиво трех сортов, а к нему можно было заказать вареных раков, маринованных миног, солонину, осетрину, – прямо какая-то буржуазная фантастика! И посещал ту пивную некий отставной артист. Он приходил туда уже навеселе, пил самое крепкое пиво «Эдельвейс» и, накачавшись им, вставал на стул и громогласно призывал всех присутствующих соблюдать тишину.

– Кобылы двуногие! Индюки горластые! Ведите себя тише! Имейте гуманность, над вами моя родная теща живет! Не беспокойте ее, кретины безмозглые! – Так вещал он, и его сквозь все потолки во всех пяти этажах было слышно. А потом однажды какой-то хулиган ударил его по голове пивной кружкой, и артист тихо скончался, не выходя из пивной. И на похоронах громче всех рыдала его теща.

...Когда я вошел в пивную, посетителей там было не очень много. Получив у стойки кружку пива и тарелочку с порцией сарделек, я выбрал себе место справа от окна, где сидел мужчина лет приблизительно сорока пяти, то есть моего возраста. На нем был серый костюм в крупную клетку, такой же, как и на мне, и я сразу почувствовал симпатию к этому человеку. Когда женщина видит незнакомую даму, одетую сходно с ней, в душе ее зарождается подозрение, что это – коварная соперница, укравшая у нее стиль, цвет, фасон одежды, чтобы покорять мужские сердца. У нас, у мужчин, – другое дело. При виде незнакомого человека в одежде, похожей на нашу, в нас возникает к нему братское чувство: это наш единомышленник, одноклассник, однополчанин, спортивный одноклубник, одним словом, свой парень.

По тому, с каким аппетитом ел этот незнакомец сардельки и как лениво хлебал он пиво, я понял, что пиво для него – принудительный ассортимент, ибо он, как и я, не ради питья, а ради еды пришел сюда. Это тоже был плюс в его пользу: я противник спиртного.

Я уже доедал свою порцию, и с удовольствием думал о том, что сейчас пойду за второй, как вдруг из-за буфетной стойки послышался голос бармена, известивший посетителей, что сардельки кончились. Это, конечно, огорчило меня. Очевидно, огорчение явственно отразилось на моем лице, потому что мой визави вдруг постучал вилкой по столу и тихо произнес:

– Не огорчайтесь. Близится время, когда не только сардельки, но и любые яства всегда будут к вашим услугам.

На это шутовское утешение (а оно было воспринято мною именно так) я ответил, что, действительно, огорчаться не стоит. Ведь всем нам давно обещана эпоха изобилия. А что мне сегодня мало сарделек досталось, так в этом теща виновата.

– Какая теща? – удивился мой собеседник, и я сразу понял, что он не абориген здешних мест – и разъяснил ему, почему эта пивнуха носит такую странную кличку.

– А я в прошлом году под судом был, – признался вдруг незнакомец.

Это меня очень удивило. Он не походил ни на хулигана, ни на взломщика. У него было лицо честного, доброго человека. Более того: какое-то неугасимое благородство отражено было на лице его. После довольно длительной паузы я сказал ему:

– Но ведь вы, слава Богу, на свободе. Вас, значит, или оправдали, или дали очень короткий срок?

– Оправдали! – засмеялся он, и далее сообщил, что это было в одном сибирском городке. Там есть забегаловка, где кроме спиртных напитков иногда бывают и пельмени. Находится это заведение в нижнем этаже здания, во втором этаже которого расположился местный народный суд. Поэтому каждый житель городка, посетив эту забегаловку, говорит потом, что он был под судом. И приятель, приглашая приятеля на выпивку, говорит там: «Идем под суд!».

– А пельмени там часто дают? – с интересом спросил я.

– К сожалению, редко. А вы любите пельмени?

– Я люблю пельмени, шашлыки, буженину, а больше всего – колбасу. В душе я – вегетарианец, мне грустно, что люди убивают животных ради своего брюха, и в то же время прямо жить не могу без мяса, – ответил я. Ответил и удивился: что это я так разоткровенничался перед незнакомым человеком? Но от него исходили какие-то таинственные волны доброты и всепонимания...

– Я понимаю вас, – проникновенно произнес он. – Я тоже не могу обходиться без мяса, и это угнетает меня. Но скоро наступит время, когда люди смогут есть котлеты, колбасы, окорока, не убивая для этого животных. Скоро все бойни будут закрыты!

– Это прекрасно, но это и невозможно, – запальчиво возразил я.

В ответ незнакомец процитировал две строки из стихов поэта Инкогнито:

Не раз доказывали дедам внуки,
Что невозможное возможно для науки.

– Нет, не может быть такой науки, которая совершила бы такое чудо! – продолжил я спор. – Никакая наука не накормит меня шашлыком, не зарезав при этом барана; никакая наука не попотчует меня бифштексом, не убив для этого быка!

– Есть такая наука! – уверенно произнес таинственный незнакомец. – И скоро вы умом и желудком убедитесь в ее реальности!

Я был ошарашен, ошеломлен. А мой визави торопливо, но явно без всякого удовольствия опорожнил свою кружку – и встал из-за стола. Затем удалился, вежливо кивнув мне на прощанье. Я тоже допил свое пиво, ведь как-никак за него деньги заплачены, и побрел домой. Я шагал медленно, словно боясь расплескать мысли и впечатления, подаренные мне этим таинственным человеком. То, что он поведал мне, походило не то на розыгрыш, не то просто на бред. Однако, странное дело, меня не покидало ощущение, что я прикоснулся к чему-то великому, что со мной беседовал пророк, провидец. Но меня пугало, что каким-то краешком души я могу поверить в возможность такого чуда. Ведь только сумасшедший может в это поверить!

В таком раздвоенном состоянии вернулся я домой, где поделился своими мыслями с женой.

– Да, Геннадий, этот твой незнакомец – человек, несомненно, незаурядный. Как жаль, что я – не психиатр, а всего лишь врач-ларинголог, – полушутливым тоном молвила Зоя. – Но я знаю, что при некоторых психических болезнях социальная ценность больного на первой стадии заболевания не только не падает, но даже повышается. Что если этот твой незнакомец...

– Нет, никакой стадии у него нет! – возразил я Зое. – Он логичен, никакой нервозности в нем нет. Есть только какая-то таинственная убежденность, но без гордыни, без заносчивости. И на вруна он не похож.

– Геннадий, а вдруг тот человек – просто-напросто гений? – задумчиво произнесла Зоя, и в этот миг раздался стук в дверь.

– Да-да, мы дома! – заявил я, и в комнату вошла Марсельеза Степановна, наша соседка, добрая старенькая пенсионерка. Несмотря на свое революционное имя, она была верующая и чуть ли не наизусть знала Библию.

– В угловом магазине сыр появился, по полкило на душу дают. Поспешите туда, пока не поздно! – с торопливой радостью сообщила она.

– Спасибо! Спасибо! – в один голос заявили мы с Зоей и заторопились в магазин. Таинственный незнакомец был забыт. Но не надолго.

3. Сладкая очередь

Вторая моя встреча с Матвеем Утюговым произошла в сентябре. В тот день я направился в жилконтору за талонами на сахар. Комната, в которой выдавали талоны, находилась на втором этаже, а очередь туда тянулась по коридору. Не простоял я в той очереди и пяти минут, как кто-то спросил меня: «Вы последний?» Я ответил утвердительно, повернулся к человеку, задавшему этот вопрос, и узнал в нем незнакомца из пивной.

– Добрый день! – приветливо произнес он.

– Добрый день! – ответил я и добавил, что он был бы еще добрей, ежели бы не надо было стоять в этой очереди.

– Не огорчайтесь! Скоро все дни станут очень добрыми. Не будет очередей ни за талонами, ни за продуктами.

– Вашими бы устами да конфетки есть, – пошутил я. – Значит, все очереди канут в проклятое прошлое?

– Нет, только продовольственные.

– Выходит, на промтовары дефицит сохранится? Выходит, не придется моей дочке на велосипеде кататься... – И я пожаловался ему, что Кира ухитрилась насос от своего велосипеда потерять, а нового нигде не купить, она семь магазинов обошла. И тут мой новый знакомый заявил, что у него и у его жены и сына – по велосипеду, и на прогулки они обычно ездят втроем, так что один насос он может одолжить мне. При этом он сразу же сообщил свой адрес. Оказалось, что живет он через четыре дома от меня; он переехал туда два месяца тому назад по обмену, а до этого жил на Васильевском острове. Я спросил, когда можно будет зайти к нему за насосом. Он назвал время, после чего мы сообщили друг другу свои имена-отчества и фамилии, а заодно и профессии. Оказалось, что Матвей Васильевич Утюгов – специалист-космист, и что работает он в НИИ, где разрабатываются возможности практического использования космической темноты. Но положение его там непрочно. Он выдвинул свою теорию – теорию «Манн Космической», а начальство считает ее ложной, бесперспективной и даже антиматериалистической.

– Что же это за теория? – поинтересовался я.

– Я исхожу из той логической предпосылки, что основой всего живого является еда. Желудок – властелин жизни. Человек с пустой головой может прожить до глубокой старости, но человек с пустым желудком не проживет более сорока дней. Мозг человека существует и мыслит за счет желудка, однако наяву он – мозг – живет как бы в гордой отчужденности от своего кормильца. Но стоит человеку уснуть – и в нем пробуждается подсознание, мозг и желудок заключают союз. Вследствие этого естественного объединения возникают некие энергетические волны. Мне удалось их обнаружить благодаря сконструированному мной прибору-уловителю. Теперь я конструирую прибор-усилитель, с помощью которого я направлю эти волны в космическое пространство.

– Но что же это за волны? – спросил я.

– Вульгарно говоря, это волны аппетита. Это – волны желания пищи, волны боязни голода.

– Они возникают только у голодных?

– Нет, и у сытых. Ведь каждый сытый подсознательно ощущает, что он может стать голодным. Боязнь голода живет в человеке с тех незапамятных времен, когда люди кормились охотой; а охота не всегда была удачной и им приходилось голодать. И как бы ни были высоки замыслы любого современного человека, – тайный, подсознательный фундамент всех его намерений – это прочно, надолго обеспечить свой желудок питанием.

– Но при чем здесь эти энергетические волны, о которых вы говорите?

– А при том, что если их усилить, то они, устремясь в космос, свяжут мозг и желудок спящего человека с космической пустотой...

– Ну, в этом мало радости. Пустоты и у нас хватает... Какой же в этом толк?

– Космическая пустота – не простая пустота, – наставительно изрек мой собеседник. – Это пустота вещественная. Из нее возникли галактики, созвездия, планеты, в том числе и наша Земля. И все живое порождено ею. Все мы – дети пустоты.

– Какие странные вещи вы говорите... Но что же такое сулит спящему эта небесная пустота?

– Очень многое! Благодаря усиленным энергетическим волнам, между человеком спящим и пустотой возникает связь прямая и обратная. А поскольку, как я уже говорил, мозг и желудок спящего – союзники, а пустота материальна, то произойдет материализация сновидений, и спящий сможет во сне питаться реальной пищей, – тихо произнес Утюгов.

Помню, выслушав это откровение своего будущего друга, я с трусливой тревогой поглядел на наших соседей по очереди: вдруг они примут Утюгова, а заодно и меня, за ненормальных? Но нет, никому до нас дела не было. Здесь многие со многими были знакомы, ведь все по соседству жили, и всем было о чем поговорить. Двое мужчин, стоящих за Утюговым, толковали о рыбалке, о корюшке, а та дама, за которой стоял я, подробно, с радостной жестикуляцией, рассказывала стоящему перед ней старичку о том, как ей удалось получить килограмм гречневой крупы. Нет, никто нас не подслушивал, никто не собирался тащить в психушку, так что мы могли безбоязненно продолжать наш странный разговор. И я в упор спросил Утюгова, неужели он на самом деле верит в то, что при некоторых обстоятельствах пространство превращается в вещество?

– Да, верю! – тихо, но твердо ответил он. – И не так уж далек тот день, когда и вы в это поверите. А до этого можете считать меня сумасшедшим; я ведь заметил, как опасливо вы поглядываете на наших соседей по этой сладкой очереди.

– Нет, я лично за психа вас не считаю, – честно ответил я. – Но боюсь, что другие могут признать вас за не вполне нормального... А я симпатизирую вам, как мечтателю. Люди нынче очень уж практичными стали, приземлили сами себя. А вы парите над действительностью, над бытом, над жратвой...

– Только не над жратвой! – шутливо, но с некоторой строгостью в голосе, поправил меня Утюгов.

4. Визит в будущий музей

На следующий день, в воскресенье, я отправился за насосом. Матвей Утюгов жил во флигеле четырехэтажного дома. Ныне там, как известно, музей. Смею вас заверить, Уважаемый Читатель, что обстановка квартиры сохранена в полной исторической целостности и сохранности. Бедность, убогость мебелировки поражает посетителей этого музея. Но хочу напомнить: насколько велика была гениальность Утюгова, настолько велика была и скромность его.

А теперь вернусь к тому дню. Свернув с улицы в темноватую подворотню, миновав узкий двор, где стояли мусорные баки, по выщербленным ступеням лестницы поднялся я на четвертый этаж, и возле двери, которая вела в квартиру № 24, нажал на кнопку звонка. Дверь мне открыл сам Утюгов. Мы дружески поздоровались. В маленькой прихожей стояли три велосипеда; Утюгов, сняв с рамы одного из них насос, вручил его мне. Сказав ему какие-то благодарственные слова, я пообещал вернуть насос недели через три; ведь велосипедный сезон на исходе, уже осень поздняя.

– Ради Бога, не беспокойтесь! Не пропадем мы без этого насоса! – заявил Утюгов, и далее сообщил, что вчера жене его удалось купить кило конфет «Старт», так что сейчас мы приступим к чаепитию. Я начал отнекиваться, но он и слушать не хотел, и по узкому коридорчику привел меня на кухню, где познакомил со своей супругой Надеждой Алексеевной.

– Только уж извините, чай здесь, на кухне будем пить; комнаты наши для чаепитий и обедов не приспособлены, – с некоторой грустью в голосе обратилась ко мне эта симпатичная женщина и добавила, что ждет нас здесь минут через двадцать.

Утюгов повел меня в ту комнату, которую ныне экскурсоводы именуют «рабочим кабинетом Утюгова». Она всем известна, описывать ее не буду. Замечу однако, что два стеллажа, находившиеся в ней, ныне пусты, потому что, согласно завещанию Матвея Утюгова, все книги после его смерти были сданы в Публичную библиотеку. А при нем полки этих невзрачных стеллажей прогибались от множества книг по самым разным отраслям человеческих знаний – по электронике, астрономии, физике, химии, высшей математике, психологии, агрономии, зоологии, медицине, ветеринарии, философии, кулинарии, биологии, да всего и не перечесать... И изо всех этих томов торчали закладки, все они были читаны-перечитаны мудрым Матвеем! При дальнейших встречах с ним я всегда поражался его многосторонней образованности.

Указав мне на потертое бархатное кресло, Утюгов сел на ветхий хромоногий стул и спросил: «Вы ведь голодали в молодости?» Я ответил, что да, жизнь моя в детстве и в юности была тяжелой, голодной; я довольно подробно поведал ему об этом. Однако Вас, Уважаемый Читатель, с этими печальными подробностями ознакомлять не считаю нужным: ведь мое повествование посвящено не мне, а Матвеем Утюгову. А он, выслушав меня, сказал, что по тому, как сосредоточенно и целеустремленно я поедал сардельки в пивнушке «Под тещей», ему сразу стало ясно, какая несладкая жизнь была у меня когда-то.

И тут мой новый знакомый, в свою очередь, весьма обстоятельно рассказал мне о том, как он голодал в молодости. Но не буду повторять того, что уже давно известно всем землянам: ведь во всех книгах, где идет речь о нем, немало места отведено именно этому грустному периоду его жизни. Я же в тот знаменательный день понял, почему этот человек симпатичен мне, а я симпатичен ему: нас побратал Голод. Сытый голодного не разумеет, а голодавший голодавшего очень даже разумеет.

– Чай готов! Идите чай пить! – обратилась к нам Надежда Алексеевна, заглянув в комнату, и мы направились на кухню и приступили к чаепитию.

Вскоре к нам присоединился Саша, восемнадцатилетний сын Утюговых. Родители представили его мне, а затем, перед тем, как сесть за стол, он вынул из кармана пиджака четыре розовые бумажки и вручил их матери. Это были билеты спортлото, он купил их на Моховой

по поручению Надежды Алексеевны. Оказывается, она регулярно играла в эту игру. Тут же выяснилось, что и муж ее, и сын относятся к этому спортлото иронически. Я тоже считал, что это ерундовское дело.

– Вы хоть раз выиграли? – спросил я Надежду Алексеевну.

– Два раза по три рубля, – с улыбкой призналась она. – А у вас легкая рука?

– Ей-Богу, не знаю. А что?

– Назовите мне пять чисел. От единицы до тридцати шести... А ты, сынок, принеси мне авторучку.

Саша принес авторучку и Надежда Алексеевна, склоняясь над одной из розовых бумажек, стала зачеркивать там маленькие квадратики. А числа я называл вот какие: 1, 2, 17, 20, 33.

Тут мне придется о себе кое-что рассказать. В школе я учился хорошо почти по всем предметам, и тем не менее с трудом переползал из класса в класс. Очень мне математика не давалась. И в институт из-за этого с трудом поступил, хорошо, что в том году недобор был туда. Я в молодости так этой наукой был запуган, что и доньше мне иногда снятся математические кошмары. Вот и накануне того дня, когда я впервые в гостях у Утюговых побывал, приснилось мне, будто я должен явиться куда-то к какому-то главснабженцу за получением талонов на шпроты. Если не явлюсь к нему в кабинет № 5, то больше никогда в жизни ни одной баночки не получу. И вот я в какой-то коридор вхожу. По одной его стороне – окна, по другую – двери; их ровно пять. Подхожу к первой, на ней начертан № 1, подхожу к второй, на ней – № 2. Душа моя возрадовалась: не так, значит, я туп в арифметике, все цифры понимаю! Но вот подхожу к следующей, а на ней – № 17, подхожу к четвертой – на ней № 20, подхожу к пятой – на ней № 33. А № 5 – нет... Неужели я сошел с ума?! Неужели опять эта окаянная арифметика-математика взбесилась?! Не видать мне, не едать мне шпротов во веки веков... Я заверещал, заголосил во сне, и тут кто-то толкает меня в бок. Я просыпаюсь.

– Опять математика снилась? – спрашивает меня Зоя.

– Опять, – признался я. – Обидный сон, лишили меня в нем шпротов.

– Их и наяву давно нет в продаже, – утешила меня жена. – Спи спокойно, профессор математики!

Сон-то нелепый был, но цифры те я, к своему удивлению, запомнил. И именно их продиктовал супруге Утюгова, чтоб не придумывать от себя, не ломать голову над такой задачей. К тому же я считал, что все лотереи – чепуха, и какие тут числа ни назови – все равно фига с маслом получится. А получилось не так. Но об этом позже.

Вернувшись домой, я вручил насос нашей дочке, а потом рассказал жене и Кире о том, у каких людей я побывал. Утюговы – люди хорошие, симпатичные. Живут они небогато, мебель – с бору по сосенке. Квартира отдельная, но убогая, с протечками. И темноватая: против окон кирпичный брандмауер. Мы хоть и в коммуналке обитаем, но я бы наши две комнаты не сменял на их апартаменты.

– А жена Утюгова какова? – поинтересовалась Зоя.

– Ну, похуже, чем ты, но лучше многих. Только странность у нее есть: верит, что в спортлото играть можно с выгодой. – И я рассказал Зое о том, как подсказал Надежде Алексеевне пять чисел.

– А почему ты мне нынче утром про эти числа ничего не сказал? – с некоторой ревностью в голосе спросила Зоя.

– Но ведь ты всегда смеешься над моими математическими снами!

– А сейчас не смеюсь. Повтори мне эти цифры! Она записала эти числа, а потом я подробно поведал ей о том, какое впечатление произвел на меня Матвей Утюгов. Говорил я довольно долго, пересказал свой разговор с ним почти дословно. И тут Зоя вдруг сказала, что Утюгов – человек необъятных возможностей. Тогда это ее утверждение показалось мне странным, но позже я понял, что она права.

5. Брудершафт

Когда настало следующее воскресенье, Зоя включила телевизор с утра, чего прежде за ней не водилось. Оказывается, она еще во вторник купила билетик спортлото и, пометив в нем «мои» числа, опустила его в какой-то там ящик у какого-то там киоска, а теперь по телевизору показывали результаты тиража. Меня это не касалось, я пошел умываться в ванную комнату. Через несколько минут туда вбежала Зоя и поцеловала меня в мокрую щеку.

– Генка, ты – математический гений! – воскликнула она. – Все пять чисел угадал! А я ведь оба варианта одинаково заполнила! У нас – двойной выигрыш!

Когда я вернулся в нашу комнату, из соседней комнаты вышла Кира. Узнав о выигрыше, дочь примкнула к нашему ликованию, и мы втроем стали строить планы по использованию большой, но в точности еще неизвестной нам суммы. У Киры даже возникла идея сменить велосипед на автомашину. Позже выяснилось, что хоть сумму мы получили неплохую, но при тогдашней инфляции на машину она не тянула. Однако во многом она нам помогла.

После завтрака я отправился на Петроградскую сторону. Там на Большом проспекте был магазин, открытый и по воскресеньям, и там я надеялся купить колбасы. И, действительно, колбаса там в тот день была. Я занял очередь, отстоял в ней часа полтора – и вдруг колбаса скоростно кончилась, не дождав меня. Когда я вернулся домой, Зоя сообщила мне, что в мое отсутствие зашла к нам жена Утюгова. Очень она симпатичная, но и очень грустная. На душе у нее такая тревога... Она тоже утром смотрела тираж по телику и тоже узнала о выигрыше, – причем он у нее тоже двойной...

– Так с чего это тревога у нее? – удивился я.

– А вот с чего: когда она Утюгову об этом выигрыше сказала, он вдруг решил, что это не их выигрыш, а твой, потому как ты ей все цифры подсказал. Ну, я ей твердо заявила, что мы тоже в выигрыше, а их выигрыш – это их выигрыш, и что хоть муж ее – умный человек, но в этом вопросе он чепуху мелет. Правильно я ей сказала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.